

УДК 347.551

https://doi.org/10.33619/2414-2948/113/46

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

©*Аблятипова Н. А.*, ORCID: 0000-0002-4579-3871, SPIN-код: 6198-6849, ResearcherID: AAM-1439-2021, канд. юрид. наук, Российский государственный университет правосудия, г. Симферополь, Россия, ve_na2014@mail.ru

©*Масюткин В. Г.*, ORCID: 0009-0005-2966-1982, Российский государственный университет правосудия, г. Симферополь, Россия, vasya.masyutkin@mail.ru

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF UNJUST ENRICHMENT IN RUSSIAN CIVIL LAW

©*Ablyatipova N.*, ORCID: 0000-0002-4579-3871, SPIN-code: 6198-6849, ResearcherID: AAM-1439-2021, J.D., Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, ve_na2014@mail.ru

©*Masyutkin V.*, ORCID: 0009-0005-2966-1982, Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, vasya.masyutkin@mail.ru

Аннотация. Исследуется эволюционный путь института неосновательного обогащения в гражданском праве России как самобытного правового феномена. Автор, отталкиваясь от римских правовых традиций, прослеживает трансформацию этого института через призму дореволюционного, советского и современного периодов развития отечественного права. Особое внимание уделяется анализу категорий «приобретение имущества» и «сбережение имущества», составляющих предметное ядро кондикционного обязательства. В результате проведенного исследования выявлены закономерности преемственного формирования института неосновательного обогащения и обосновывается необходимость учета исторического опыта для совершенствования его современного правового регулирования.

Abstract. The article examines the evolutionary path of the institution of unjust enrichment in the civil law of Russia as a unique legal phenomenon. The author, based on Roman legal traditions, traces the transformation of this institution through the prism of the pre-revolutionary, Soviet and modern periods of development of domestic law. Particular attention is paid to the analysis of the categories of "acquisition of property" and "preservation of property", which constitute the subject core of the conditional obligation. As a result of the study, the patterns of successive formation of the institution of unjust enrichment are revealed and the need to take into account historical experience in order to improve its modern legal regulation is substantiated.

Ключевые слова: неосновательное обогащение, гражданское право, кондикционные обязательства, кондикции, возмещение вреда.

Keywords: unjust enrichment, civil law, conditional obligations, conditions, compensation for damage.

Институт неосновательного обогащения прошел долгий и непростой путь развития в российском гражданском праве, впитав в себя богатый опыт правового регулирования соответствующих отношений, выработанный как в римском частном праве, так и в последующей европейской и отечественной цивилистической традиции. Сама идея о недопустимости неосновательного приращения имущества одних лиц за счет других,

получившая закрепление в знаменитой формуле Помпония «Iure naturae aequum est neminem cum alterius detrimento et iniuria fieri locupletiores» («По естественному праву справедливо, чтобы никто не обогащался во вред другому и в нарушение его права»), восходит своими корнями к древнеримской юриспруденции. Уже первые римские юристы, исходя из высоких представлений о справедливости (*aequitas*) и добрых нравах (*bona mores*), обоснованно полагали, что всякое обогащение, не опирающееся на законное основание, должно влечь обязанность возврата, неправомерно полученного в первоначальное состояние [1].

Для практической реализации этой идеи римскими правоведами был разработан особый процессуальный инструментарий – система личных исков, получивших название кондикций (от лат. *condictio* – объявление). Кондикции как иски строгого права отличались не только упрощенной формулой, содержащей требование о возврате определенной денежной суммы или иных вещей, но и особым абстрактным характером. Истец мог ограничиться лишь указанием на факт неосновательного обогащения ответчика, не вдаваясь в подробное обоснование отсутствия правовых оснований такого обогащения [2].

По мере развития имущественного оборота система кондикций непрерывно расширялась и совершенствовалась, охватывая все более широкий круг случаев *locupletatio cum aliena jactura*. Наиболее распространенными стали кондикции о возврате недолжно уплаченного (*condictio indebiti*), о возврате предоставления, цель которого не была достигнута (*condictio causa data causa non secuta*), о возврате полученного в результате кражи (*condictio ex causa furtiva*), о возврате переданного по противоправному или аморальному основанию (*condictio ob turpem vel iniustam causam*), общий иск о возврате полученного вообще без всякого основания (*condictio sine causa*).

Римские юристы не только увидели глубокую общность всех этих ситуаций неосновательного приобретения или сбережения имущества, но и очертили границы действия принципа недопустимости неосновательного обогащения разумными пределами. В частности, был сформирован подход, согласно которому неосновательность приобретения должна оцениваться сугубо объективно, с позиции отсутствия легитимного правового титула, вне зависимости от добросовестности приобретателя и его знания об отсутствии такого титула. С другой стороны, было установлено, что возврату подлежит лишь наличное обогащение, сохранившееся к моменту предъявления иска в имущественной сфере ответчика, а не все то, что первоначально выбыло из обладания потерпевшего [3].

Кроме того, из сферы применения кондикций был изъят целый ряд ситуаций, когда возврат полученного представлялся невозможным или нецелесообразным в силу тех или иных политико-правовых соображений. К их числу римская юриспруденция относала, в частности, случаи перехода имущества в результате естественных причин (например, в силу давности владения), безвозмездной передачи имущества в дар или его использования в благотворительных целях, получения государственных наград, содержания или иных предоставлений, а также все то, что было получено по безнравственному основанию (*ob turpem causam*). Вся эта стройная система представлений, норм и принципов, сложившаяся в римском праве в отношении кондикционных притязаний, оказала определяющее влияние на последующее развитие данного института в большинстве европейских правовых порядков. Не стала исключением и дореволюционная российская цивилистическая доктрина, пронизанная заметным влиянием пандектного учения о неосновательном обогащении.

Уже в трудах виднейшего представителя российской гражданско-правовой науки XIX века Д. И. Мейера мы находим обоснование обязанности возврата всего неосновательно приобретенного за счет другого лица как вытекающей из общих начал справедливости и *aequitas*. По мысли ученого, всякое обогащение, которое произошло «без достаточного

юридического основания в ущерб другому», должно быть возвращено обедневшему в соответствии с принципом недопустимости неосновательного обогащения. Сам же объем возвращаемого определялся размером обогащения ответчика, который включал в себя не только непосредственно перешедшее к нему имущество, но и те доходы, которые он извлек или должен был извлечь в период неосновательного владения спорным имуществом [4].

Вместе с тем ни в дореволюционном гражданском законодательстве, ни даже в проектах Гражданского уложения Российской империи нормы о неосновательном обогащении так и не получили прямого закрепления и развернутой регламентации. В Своде законов содержались лишь отрывочные положения, запрещающие извлечение выгоды за чужой счет в отдельных казуистических ситуациях (например, правила ст. 609, 610, 684 о возврате имущества, полученного без законного основания). Попытка включения в текст проекта Гражданского уложения общих норм, посвященных кондикционному иску, также не была реализована ввиду прекращения работы над проектом [5].

Отсутствие целостного законодательного оформления института кондикции в дореволюционный период, впрочем, не помешало его развитию на уровне судебной практики высших судебных инстанций. Уже во второй половине XIX века Правительствующий Сенат по конкретным делам о взыскании неосновательного обогащения сформулировал ряд правовых позиций, отражающих восприятие базовых постулатов кондикционного права. К их числу можно отнести подходы об объективной неосновательности приобретения имущества независимо от вины и добросовестности приобретателя, о возможности предъявления кондикции независимо от того, возникло ли обогащение непосредственно за счет потерпевшего или опосредованно через третьих лиц, об ограничении размера кондикционного требования размером наличного обогащения ответчика на момент предъявления иска и др. [6].

Тем не менее, без прямой опоры на нормы закона практика применения кондикционной защиты в дореволюционный период носила фрагментарный и непоследовательный характер. Ситуация кардинально меняется с принятием в 1922 г. первого советского Гражданского кодекса, в котором институт неосновательного обогащения впервые получает самостоятельное законодательное закрепление. В Гражданском кодексе РСФСР 1922 года [7] впервые получил законодательное оформление фундаментальный правовой принцип защиты имущественных интересов в случаях неосновательного обогащения. В частности, глава XII кодекса, посвященная обязательствам из неосновательного обогащения, устанавливала четкие правовые механизмы восстановления имущественного положения потерпевшей стороны.

Основополагающая норма, закрепленная в статье 399, предусматривала императивную обязанность лица, получившего имущественную выгоду без надлежащих правовых оснований, осуществить полный возврат неосновательно полученного. При этом законодатель детально регламентировал объем возмещения – статья 400 предписывала недобросовестному приобретателю не только вернуть само имущество, но и компенсировать все извлеченные или потенциально возможные доходы, которые он получил или должен был получить с момента, когда узнал или должен был узнать о неправомерности своего обогащения. Такой комплексный подход обеспечивал максимально полное восстановление имущественной сферы потерпевшего.

Важным новшеством стало также введение нормы, согласно которой неосновательно полученное подлежало взысканию в доход государства, если его приобретение было связано с противозаконным или направленным против интересов государства действием самого потерпевшего (ст. 402). Ограничивая возможность неосновательного обогащения в

отношениях между частными лицами, законодатель в то же время допускал обращение неосновательного обогащения в доход государства в целях защиты публичных интересов. Тем самым частноправовая природа кондикционных обязательств приспособлялась к условиям господства социалистической собственности и плановой экономики [8].

Следующий значимый этап в развитии института неосновательного обогащения в России приходится уже на 60-е гг. XX века и связан с принятием ГК РСФСР 1964 г. [9] Нормы гл. 42 данного кодекса содержали более развернутое регулирование кондикционных отношений по сравнению с предшествующим периодом. Помимо прочего, законодатель закрепил важное положение о приоритете возврата неосновательно приобретенного имущества в натуре и о возможности денежной компенсации стоимости имущества лишь в случае невозможности возврата последнего в натуре (ст. 473).

Также получили нормативное решение некоторые ранее дискуссионные вопросы относительно случаев, когда необходимо было дифференцировать имущество, не подлежащее возврату по требованию о неосновательном обогащении. Кодекс выделил несколько важных категорий такого имущества: во-первых, то, что было приобретено добросовестным путем в ходе обычного гражданского оборота; во-вторых, имущество, переданное в целях осуществления благотворительной и иной общественно полезной деятельности; в-третьих, социальные выплаты и иные средства обеспечения жизнедеятельности граждан, если при их получении отсутствовала недобросовестность со стороны приобретателя и не было допущено счетных ошибок при их начислении.

При всех своих несомненных достоинствах гражданское законодательство советского периода, разумеется, не было свободно от определенных недостатков и внутренних противоречий. Прокрустово ложе идеологических установок того времени, ограничения, связанные с господством социалистической собственности и планового характера экономики, не могли не наложить отпечаток на содержание и практику применения норм о кондикционных обязательствах. В частности, до конца не был решен вопрос о правовой природе данных обязательств, их месте в системе гражданско-правовых способов защиты нарушенных прав, о соотношении требований из неосновательного обогащения с виндикационным, реституционным, деликтным исками. Оставались неурегулированными вопросы объема и характера восстановления имущественной сферы потерпевшего с учетом многообразия ситуаций неосновательного обогащения [10].

Новый импульс развитию российского кондикционного права дали коренные социально-экономические преобразования конца XX века, ознаменовавшиеся отказом от планово-распределительной системы хозяйствования и переходом к рыночной экономике. В этих условиях существенно возросло значение частноправовых регуляторов экономических отношений, призванных обеспечить надежную защиту имущественных прав и интересов участников гражданского оборота. Важнейшим элементом данной системы призван был стать институт обязательств из неосновательного обогащения, получивший принципиально новое законодательное оформление в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [11].

Нормы гл. 60 ГК РФ «Обязательства вследствие неосновательного обогащения» не только закрепили ставший уже традиционным для отечественного права принцип недопустимости неосновательного обогащения и необходимости возврата всего неосновательно приобретенного или сбереженного, но и существенно детализировали содержание прав и обязанностей участников соответствующих правоотношений. В частности, законодатель установил конкретные условия его возникновения, связав их с фактом приобретения или сбережения имущества одним лицом за счет другого при

отсутствии правовых оснований. Кроме того, была создана дифференцированная система возмещения – от возврата имущества в натуре до компенсации его стоимости. Также были разработаны специальные правила для различных видов имущества, включая индивидуально-определенные вещи, денежные средства, ценные бумаги на предъявителя и имущество, находящееся у добросовестного приобретателя.

Ключевой новацией ГК РФ стало качественное изменение правовой природы кондикционного иска. Он приобрел статус универсального правового инструмента защиты гражданских прав, который может применяться субсидиарно (дополнительно) к иным способам защиты при неосновательном обогащении.

В соответствии с п. 2 ст. 1103 ГК РФ, сфера применения кондикционных требований была существенно расширена. Теперь правовые механизмы защиты от неосновательного обогащения распространяются на широкий спектр ситуаций: возврат исполненного по обязательству; истребование ошибочно предоставленного исполнения; возвращение исполненного по ничтожной сделке; возврат предоставленного до наступления отменительного или отлагательного условия; истребование исполненного по прекратившемуся обязательству; возврат имущества по недействительным сделкам.

Более того, законодатель распространил действие норм гл. 60 ГК РФ на случаи возмещения вреда, причиненного недобросовестными действиями обогатившегося лица [11]. Такое расширение сферы субсидиарного применения норм о кондикционных обязательствах существенно повысило эффективность гражданско-правовой защиты интересов участников имущественного оборота. Однако оно же породило и определенные сложности, связанные с необходимостью согласования данного способа защиты с виндикацией, реституцией, деликтной ответственностью и другими охранительными мерами гражданского права. Российской цивилистической доктрине и судебной практике еще предстоит выработать четкие критерии разграничения различных требований о возврате имущества и преодоления конкуренции соответствующих исков. Направления дальнейшего совершенствования законодательства о неосновательном обогащении видятся в конкретизации условий наступления кондикционной ответственности, уточнении правового режима отдельных видов неосновательно приобретаемого или сберегаемого имущества (в т. ч. так называемых «навязанных» благ), углублении дифференциации правовых последствий неосновательного обогащения в зависимости от добросовестности или недобросовестности действий приобретателя [12].

Кроме того, в условиях стремительного развития экономической реальности под влиянием цифровизации, внедрения платформенных бизнес-моделей, расширения сферы применения виртуальных активов, регулирование кондикционных отношений сталкивается с новыми вызовами, требующими адекватного правового реагирования. К их числу можно отнести необходимость квалификации криптовалют, бонусных баллов, игровых ценностей и иного «цифрового имущества» в качестве возможного предмета неосновательного обогащения, оценки добросовестности действий участников виртуальных транзакций, адаптации механизмов расчета и взыскания неосновательного обогащения к условиям цифровой среды. Эти и многие другие вопросы составляют актуальную повестку для будущих научных исследований и возможных законодательных новаций [13].

Подытоживая все вышесказанное, можно констатировать, что институт неосновательного обогащения прошел достаточно длительный и непростой путь исторического развития в российском гражданском праве, вобрав в себя богатый опыт как римской юридической традиции, так и отечественной правоприменительной практики. От казуистических попыток регулирования отдельных случаев неосновательного приобретения

или сбережения имущества путем аналогии закона или аналогии права российское законодательство постепенно пришло к выработке общих правил о соответствующих обязательствах и закреплению кондикции как универсального способа защиты гражданских прав. Этот процесс сопровождался глубокой научной рефлексией в отношении правовой природы неосновательного обогащения, его квалификационных признаков, принципов регламентации кондикционных требований.

В результате к настоящему времени в нашей стране сформировалась достаточно стройная система правового регулирования отношений, связанных с возвратом неосновательного обогащения, ядром которой являются нормы гл. 60 ГК РФ. Будучи генетически и функционально связанной с принципом недопустимости *locupletatio cum aliena jactura*, данная система, вместе с тем, предлагает четкие правовые ориентиры и сбалансированные решения сложных практических коллизий. Вобрав в себя все лучшее из предшествующих моделей регулирования, российское кондикционное право, тем не менее, не лишено недостатков и пробелов, обусловленных многообразием и динамичностью регулируемых им экономических процессов.

Дальнейшее совершенствование данного правового института, как представляется, должно идти по пути более точной «настройки» кондикционного механизма применительно к различным характерным ситуациям неосновательного обогащения, усиления его восстановительной и компенсационной направленности, минимизации негативных последствий недобросовестных действий в имущественной сфере. При этом важно сохранить автономию кондикционного притязания как самостоятельного способа защиты гражданских прав, избегая его растворения в смежных гражданско-правовых институтах или выхолащивания сущностного содержания.

Только при таком подходе институт неосновательного обогащения сможет и впредь эффективно выполнять свою главную задачу, актуальную еще со времен римского права – служить действенным инструментом поддержания справедливого баланса имущественных интересов участников гражданского оборота, препятствовать произвольным переливам материальных благ, нарушающим исходный имущественный *status quo*. Ведь как говорили еще древние – «Право не терпит, чтобы кто-то обогащался во вред другому и в нарушение справедливости (*Iure naturae aequum est neminem cum alterius detrimento et iniuria fieri locupletiolem*)».

Список литературы:

1. Дигесты Юстиниана. Т. VII. Полумом 2. М.: Статут, 2005. 564 с.
2. Новицкий И. Б., Перетерский И. С. Римское частное право. М., 2000. 448 с.
3. Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2020. 784 с.
4. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. 831 с.
5. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. I ч.: Вотчинные права. М., 2002. 800 с.
6. Новак Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М., 2010. 416 с.
7. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (с изм. от 02.02.1923) «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1922. №71. Ст. 904.
8. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951. 239 с.
9. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 1964 г., №24, ст. 406
10. Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. 880 с.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. №5 ст. 410.

12. Слесарев В. Л. Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980. 195 с.

13. Михеева И. Е., Чистяков П. Д. Квалификация отношений по поводу криптовалют: состояние и перспективы совершенствования // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 124-134.

References:

1. Digesty Yustiniana (2005). T. VII. Polutom 2. Moscow. (in Russian).
2. Novitskii, I. B., & Pereterskii, I. S. (2000). Rimskoe chastnoe pravo. Moscow. (in Russian).
3. Dozhdev, D. V. (2020). Rimskoe chastnoe pravo. Moscow. (in Russian).
4. Meier, D. I. (2003). Russkoe grazhdanskoe pravo. Moscow. (in Russian).
5. Pobedonostsev, K. P. (2002). Kurs grazhdanskogo prava. I ch.: Votchinnye prava. Moscow. (in Russian).
6. Novak, D. V. (2010). Neosnovatel'noe obogashchenie v grazhdanskom prave. Moscow. (in Russian).
7. Postanovlenie VTsIK ot 11.11.1922 (s izm. ot 02.02.1923) "O vvedenii v deistvie Grazhdanskogo kodeksa R.S.F.S.R." (vmeste s «Grazhdanskim kodeksom R.S.F.S.R.»). SU RSFSR. 1922. №71. St. 904. (in Russian).
8. Fleishits, E. A. (1951). Obyazatel'stva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashcheniya. Moscow. (in Russian).
9. Grazhdanskii kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 11.06.1964) // Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 1964 g., №24, st. 406.
10. Ioffe, O. S. (1975). Obyazatel'stvennoe pravo. Moscow. (in Russian).
11. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 №14-FZ (red. ot 13.12.2024). In Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 29 yanvarya 1996 g. №5 st. 410.
12. Slesarev, V. L. (1980). Ob'ekt i rezul'tat grazhdanskogo pravonarusheniya. Tomsk. (in Russian).
13. Mikheeva, I. E., & Chistyakov, P. D. (2022). Kvalifikatsiya otnoshenii po povodu kriptovalyut: sostoyanie i perspektivy sovershenstvovaniya. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 17(1 (134)), 124-134. (in Russian).

Работа поступила
в редакцию 20.02.2025 г.

Принята к публикации
29.02.2025 г.

Ссылка для цитирования:

Аблятипова Н. А., Масюткин В. Г. Становление и развитие института неосновательного обогащения в российском гражданском праве // Бюллетень науки и практики. 2025. Т. 11. №4. С. 349-355. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/113/46>

Cite as (APA):

Ablyatipova, N., & Masyutkin, V. (2025). Formation and Development of the Institute of Unjust Enrichment in Russian Civil Law. *Bulletin of Science and Practice*, 11(4), 349-355. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/113/46>